

А. В. Успенская<sup>1</sup>

### ИСТОРИЯ СТАРЕЙШЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР

Одним из наиболее значительных результатов реформ Петра I, резко развернувшего Россию в сторону Запада, явилось формирование системы школьного образования, ориентированного на европейские образцы. В Европе, и прежде всего в Германии, служившей главным ориентиром для российской школы, гимназия являлась уникальным примером соединения различных культурных тенденций: античной системы гуманитарного образования, основанной на изучении греческих и латинских писателей, средневековых схоластических традиций тривиума и квадривиума, тенденций эпохи Возрождения с интересом к родной словесности и естественным наукам и рационалистических веяний эпохи Просвещения. Таким образом, на российскую почву пересаживалось явление, само по себе представляющее собой результат широкого диалога культур, и российская гимназия явилась полем культурного взаимодействия (а порой и столкновения) традиций Средневековья, Возрождения и Просвещения, базировавшихся на фундаменте античной цивилизации.

Третья петербургская гимназия имеет долгую и примечательную историю. На протяжении трех четвертей XIX века она считалась образцовым классическим столичным учебным заведением, а потому небезынтересно проследить, как в ее истории отразились судьбы классического образования и в целом культурный диалог России и Запада, с одной стороны, и России и античного мира — с другой.

Эта гимназия ведет свое происхождение от Академической гимназии, основанной в Петербурге в 1726 году. В 1758–1765 годах ею руководил М. В. Ломоносов, который сам написал для нее устав.

С наступлением Александровской эпохи, в 1805 году, Академическая гимназия была преобразована в четырехлетнюю Петербургскую губернскую гимназию. Программа была энциклопедической, изучались философия, эстетика, экономика; латынь входила в число обязательных предметов.

В 1811 году по проекту попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова, будущего министра народного просвещения, гимназия была преобразована в классическую, первую в России. В учебный план был введен греческий язык, но исключены философия, политическая экономия, коммерческие науки, эстетика. В 1818–1822 годах эта гимназия выпускала лучших воспитанников с аттестатом, приравненным к университетскому. Наконец, с 26 января 1823 года она обрела постоянное место — здание бывшего Пантелеймоновского училища (Гагаринская улица, д. 23). Об этом свидетельствует надпись «1823», украшающая фронтон здания. Номер «3» она получила еще позже,

<sup>1</sup> Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др.

в 1832 году, когда петербургским гимназиям решили присвоить номера.

Став министром народного просвещения, С. С. Уваров (1834–1849) продолжил реформу гимназий и резко усилил «классическую» сторону образования. В Третьей гимназии главными предметами стали латинский и греческий языки. По воспоминаниям гимназистов этого времени, в грамматические тонкости учителя не вникали, но сурово заставляли учить лексику. Сам Уваров прекрасно знал и любил древнюю литературу, и главной задачей курсов по латыни и греческому было чтение текстов. Характерно, что в ту эпоху гимназисты не относились к античности как к чему-то официозному, казенному. Либерально мыслящий юноша находил в античности близкое для себя, особенно у писателей республиканского Рима.

Революционные события 1848 года во Франции испугали российское правительство и отразились на порядках наших учебных заведений: из университетского преподавания была исключена философия, была разрушена уваровская система классического образования — в гимназиях начали резко сокращать преподавание древних языков и тем более античной литературы, считалось, что они способствуют вольномыслию. В этот период в Петербурге только Третья гимназия оставалась классической, с преподаванием и латыни и греческого, хотя часы были сокращены и здесь.

В эпоху реформ Александра II, в 1864 году, был принят новый устав средних учебных заведений, утверждены новые учебные программы. Гимназии были разделены на классические и реальные. В классических гимназиях латынь и греческий снова стали обязательными предметами. В 1864 году, как нам кажется, программа по древним языкам была продуманной и сбалансированной, сформирована в результате широкой общественной дискуссии, в ней были уравновешены, гармонизированы различные общественные устремления.

Однако российское общество радикализировалось, и ожесточенные споры продолжались. Сторонникам «реального» образования казалось, что занятия древними языками — лишь способ деградации молодежи, отвлечения ее от проблем современности.

Другая часть образованного общества считала необходимым именно в этот момент широко изучать античные языки и литературу. Эту точку зрения обосновал известный поэт, один из крупнейших переводчиков с латыни А. Фет. В эссе «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» он ставит вопрос о классическом образовании как способе создания новой, внесловной, умственной и нравственной аристократии.

Но, как это часто бывает в России, прекрасные идеи в процессе воплощения испытали серьезное искажение. 19 июня 1871 года министром народного просвещения Д. А. Толстым была утверждена новая

программа классических гимназий. Латынь начиналась с первого класса, греческий язык — с третьего, причем языки преподавались каждый день (для сравнения — Закон Божий в последнем классе — 1 урок, русский язык — 2 урока в неделю). Но дело было даже не в увеличении количества часов по древним языкам, а в изменении методики преподавания: вместо чтения античных классиков вводилось бесконечное изучение грамматических форм.

Третью гимназию окончили Д. И. Писарев, Л. Модзалевский, зоолог Карл К. Сент-Илер, педагог В. Эвальд, профессор права Петр Калмыков, Петр Струве, Иван и Дмитрий Толстые, крупный политический деятель партии кадетов В. Д. Набоков, один из крупнейших писателей Серебряного века Д. С. Мережковский, детский писатель, переводчик С. Я. Маршак.

Многие выпускники оставили интересные воспоминания, которые в основном собраны в книге «За сто лет: Петербургская (бывшая) третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа» (Пг., 1923). Наиболее подробные воспоминания относятся к эпохе 1870–1880 годов. Так, Владимир Набоков-старший получил еще до гимназии отличную подготовку по древним языкам и не испытывал трудностей в учебе, окончил гимназию с золотой медалью, но отмечал общую неблагоприятную атмосферу в гимназии: низкий уровень преподавания, страх учеников, издевательства некоторых учителей.

Возможно, наиболее подробные, эмоциональные и художественно значимые воспоминания о гимназии оставил Д. С. Мережковский. Это «Автобиографическая записка», а также поэмы «Вера» и «Старинные октавы». Его гимназические годы пришлись на конец 1870-х — начало 1880-х, это был самый разгар школьного классицизма. В поэме «Старинные октавы» Мережковский с грустью вспоминал, как их учили древним языкам — начетнически, подменяя живое общение с великими классиками унылым изучением грамматических форм:

«О юность бедная моя, как мало / Ты вольных игр и счастья мне дала: / Классической премудрости начало, / Словарь латинский, холод, скука, мгла...»

Если сопоставить воспоминания Набокова-старшего и Мережковского, можно прийти к интересному выводу: поэма «Старинные октавы» и гимназические воспоминания отца, возможно, отразились в романе Владимира Набокова «Приглашение на казнь» — это описание детства Цинцинната, томившегося в школе, «в канареечно-желтом, большом, холодном доме, где живых, бойких детей готовили к благополучному небытию взрослых истуканов».

История Третьей петербургской гимназии отражает общую картину не только классического гимназического образования в России, которое на протяжении XIX века несколько раз претерпевало резкие изменения, но и в целом — диалога России и Запада. Российские гимназии — одна из форм реализации идей Петра I, стремившегося быстро, даже насильственно, привить России европейский облик. Его преемники стремились пересадить на российскую почву европейскую систему образования, порой не считаясь с тем, есть ли у страны достаточная база, ресурсы, возможности для такого рода ускоренной вестернизации. Первая эпоха (1805–1828) отражает прекрасноту и либеральные мечты Александра I, когда гимназическое образование попытались сделать фундаментальным, энциклопедическим, приближенным к университетскому и при этом внесловным — в духе идей Просвещения. Однако обилие разнообразных курсов и недостаток учителей породили его поверхностность. В николаевское царствование в гимназии воцарилась жесткая, казарменная система, сопровождавшаяся введением строгого сословного принципа. При этом уваровская реформа позволила серьезно изучать древние языки и античных авторов, более того, она в рамках жесткой идеологической системы прививала гимназистам широту взгляда и даже некое вольномыслие. Следующий период — последние годы царствования Николая (1849) — падение «уваровского классицизма», резкое ослабление преподавания древних языков, попытка отказа от широкого гуманитарного образования (примечательно, что в России с ужесточением политического режима не раз происходило резкое уменьшение объема и качества преподавания гуманитарных дисциплин). Наконец, в 1860–1880-е годы наступила эпоха расцвета школьного классицизма, который вводился с самыми лучшими намерениями, но сочетал усиленные занятия античными языками со схоластическим, почти средневековым способом их изучения. Однако важно отметить, что именно эпоха «школьного классицизма» способствовала расцвету русского Серебряного века, дала России плеяду поэтов и писателей, чье творчество насыщено античностью: И. Анненский, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам и др. В частности, прошедшие суровую классическую школу Д. С. Мережковский и В. Я. Брюсов оставили серьезный след в истории переводов античных классиков: Брюсов перевел «Энеиду» Вергилия, Мережковский перевел 6 трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Таким образом, история Третьей классической гимназии демонстрирует не только сложность, но и перспективность диалога античной и русской культур в сфере гуманитарного образования.